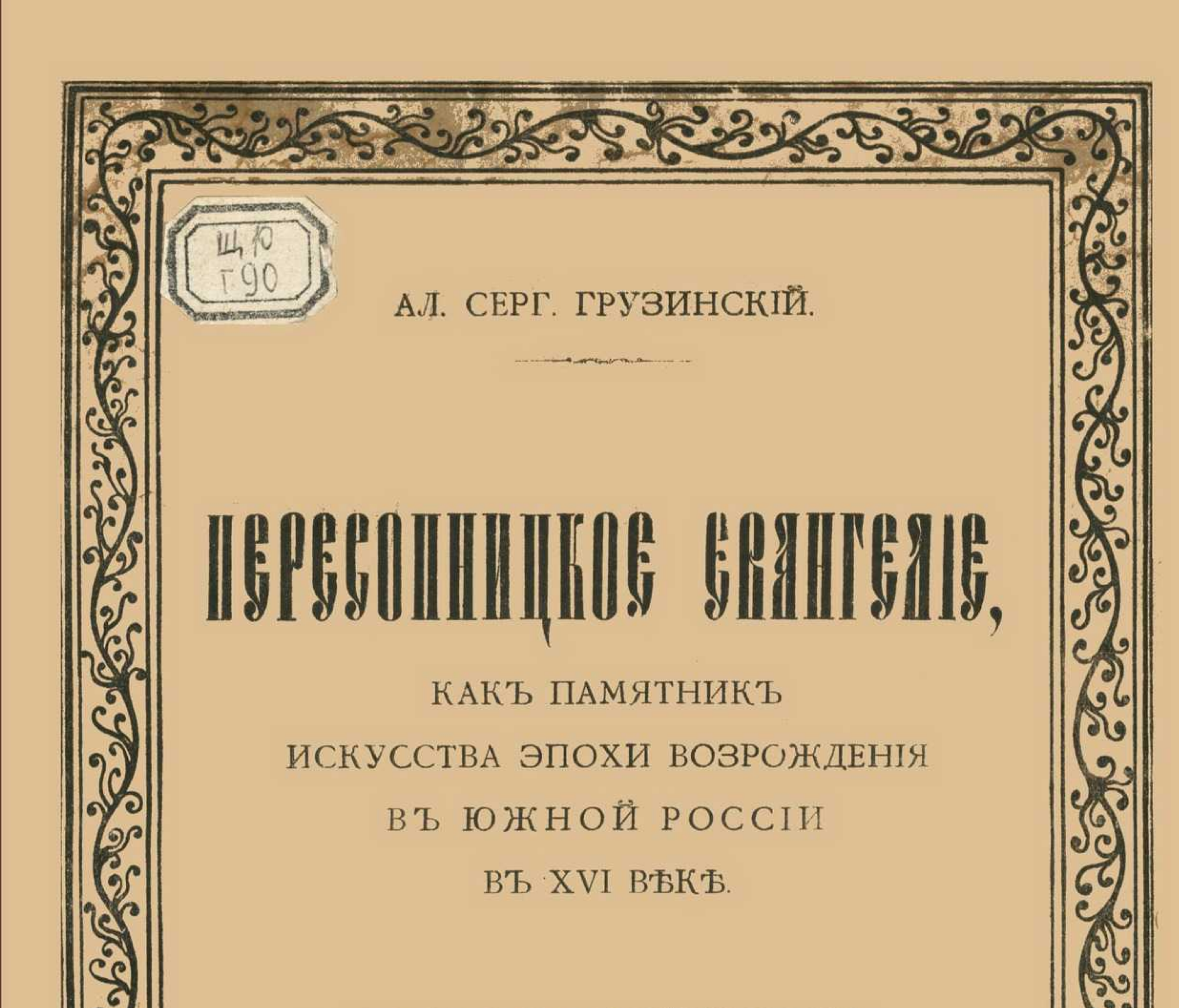

АЛ. СЕРГ. ГРУЗИНСКІЙ.

ПЕРЕСОПНИЦКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ,

КАКЪ ПАМЯТНИКЪ ИСКУССТВА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ ВЪ XVI ВѢКѢ.

(СЪ 5 РИСУНКАМИ И XI ТАБЛИЦАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

КІЕВЪ.

1911.

18831 КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ +

Шифр Щ10 Г90 Инв.№ м 135166

Автор Грузинский А.С.

Название Пересопницкое Евангелие, как памятник...

Место, год издания К., 1911

Кол-во стр. [2], 47; [5] с.: ил

-"- отд. листов

-"- иллюстраций

-"- карт

-"- схем

Том часть вып.

Конволют

31.05.93г.

Примечание:

1999
25.12 - 6945 ф
2005
14.04 - 10033 с
2008
30.05 - 3197 Н

АЛ. СЕРГ. ГРУЗИНСКІЙ.

ПЕРЕСОПНИЦКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ,

КАКЪ ПАМЯТНИКЪ ИСКУССТВА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ ВЪ XVI ВѢКѢ.

(СЪ 5 РИСУНКАМИ И XI ТАБЛИЦАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

КІЕВЪ.
1911.

ПЕРЕСОПНИЦКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ, КАКЪ ПАМЯТНИКЪ ИСКУССТВА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ ВЪ XVI ВѢКѢ

I.

ИСТОРІЯ РУКОПИСИ.

АГАДОЧНА судьба этого Евангелія: не совсѣмъ выяснено его возникновеніе, любопытна его дальнѣйшая исторія, таинственна связь его съ именемъ гетмана-романтика Ивана Мазепы и, наконецъ, чрезвычайно характерна его позднѣйшая исторія. „На день оуспеніа пресвятыя нашеа богородица и присно дѣвы Маріа“ — т. е. 15 августа 1556 года, по свидѣтельству приписки, была закончена — „пръша (первая) часть наоуки читаня“... „в дво^р^ци монастыри Жеславскомъ при церкви святыя и живоначальныя Тройцѣ“. А такъ какъ „наоука читаня“ въ этой рукописи предшествуетъ самому евангельскому тексту и тѣсно примыкаетъ къ нему, то можно считать, что *въ этотъ день было начато письмомъ* знаменитое Пересопницкое Евангеліе.

Какой же это былъ монастырь? Чтобы избѣжать различныхъ недоразумѣній, для рѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ одному акту, записанному въ Евангеліи первой половины XVI вѣка и скрѣпленному соотвѣтствующими подписями и перстневыми печатями пяти свидѣтелей.

Изъ этого акта можно видѣть, что почти за два мѣсяца передъ интересующимъ насъ событіемъ, — а именно — 12 іюня того же 1556 года, въ жизни монастыря произошло важное событіе иного характера: „Я — князь Янушъ (Иванъ) Козминичь Жеславскій (Заславскій)“ — читаемъ мы въ этомъ актѣ: — „пополняючи волю небожчика князя его милости отца моего“... „весполокъ (вмѣстѣ) съ ея милостью маткою моею кнегинею Настасею Юрьевною Гольшанского“... „надаемо *тыи имъніяˮ* — „што жъ отецъ мой небожчикъ

князь Козма Ивановичъ Жеславскій мѣлъ (имѣлъ) надати манастиру *нашему Дворецкому ку церкви святой Тройцы*"[1]).

Имѣнія эти составляли четыре села: 1) село *Дворецъ* „съ ставомъ и млыномъ", 2) село Волыжницѣ, 3) село Завадницѣ и 4) село Сенюшки.— „зо всѣми данинами грошовыми, землею бортною, даниною медовою и бобровыми гоны"[2]).

Такъ какъ князь Заславскій говоритъ здѣсь о Дворецкомъ монастырѣ, о с. Дворцѣ и упоминаетъ о своей матери, княгинѣ Жеславской-Гольшанской, которая дала средства на созданіе интересующаго насъ памятника, то въ этомъ документѣ мы имѣемъ прямое, полное и современное разъясненіе записи Пересопницкаго Евангелія о Дворецкомъ монастырѣ св. Троицы[3]).

Очевидно, во время, совпадавшее съ благоустроеніемъ Дворецкаго монастыря, и въ кругу лицъ, упоминаемыхъ въ грамотѣ, возникла мысль написать такое Евангеліе, которое бы *шло навстрѣчу потребностямъ своего времени по языку*, съ внѣшней же стороны оно должно было представлять цѣльное и прекрасно задуманное художественное произведеніе. Такъ какъ инпціатива принадлежитъ Дворецкому монастырю, то это Евангеліе съ такимъ же правомъ можно было бы называть *Дворецкимъ*, сколько и *Пересопницкимъ*.

По причинамъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, это Евангеліе не успѣли закончить перепиской въ с. Дворцѣ, и переписчику, повидимому, вмѣстѣ съ авторомъ перевода пришлось перейти *отъ сына* княгини Заславской-Гольшанской въ другой монастырь, въ Пересопницу, „*къ зятю ея милости* княгини" Настасьи. Очевидно, туда же, къ дочери, къ князьямъ Чарторыйскимъ, переѣхала и сама княгиня.

Авторъ перевода Евангелія, архимандритъ Григорій, былъ, повидимому, человѣкъ очень образованный для своего времени. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ зналъ много языковъ: славянскій, современный ему литературный южно-русскій, польскій, латинскій, чешскій; возможно, что зналъ онъ греческій и нѣмецкій. По словамъ человѣка, близко знавшаго его, онъ „не любилъ злата и сребра тлѣющихъ, але имѣлъ любовь и прилежаніе

[1]) Любопытно отыскать это Евангеліе. Оно хранится въ Петербургѣ въ Имп. Публичн. Библіотекѣ. Къ сожалѣнію, значекъ его намъ не извѣстенъ. Указаніе на него, какъ и самый актъ, которымъ мы пользуемся, находится въ „Актахъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи", т. I, стр. 140 (№ грамоты—131).

[2]) Обычная прежняя форма дарственной записи.

[3]) Для большей крѣпости этотъ актъ „зволившися, казали въ Евангеліи записати". (См. тамъ же).

къ божественному писанію, о которое просилъ Господа Бога въ дне и въ нощи такъ мовячи:

— „Господи, сподоби мене видѣти дѣла сего конецъ!"

Конецъ этого дѣла наступилъ лишь 29 августа 1561 года въ Пересопницкомъ монастырѣ, т. е. черезъ 5 лѣтъ послѣ начала, и намъ становится понятна молитва этого кроткаго и смиреннаго архимандрита Григорія, „для (ради) пилности и любве котораго эта книга совершилася" [1]).

Самый оригиналъ, съ котораго списывалось Пересопницкое Евангеліе, или, точнѣе, авторская рукопись архимандрита Григорія была написана, очевидно, современной южно-русской скорописью. Этимъ можно объяснить нѣкоторыя ошибки, пропуски и неисправности въ Дворецко-Пересопницкомъ спискѣ, прекрасно выполненномъ съ внѣшней стороны.

Позже это Евангеліе породило рядъ другихъ списковъ. Изъ нихъ намъ извѣстны два главнѣйшихъ: *полный* Волынскій списокъ, составляющій собственность прот. Трипольскаго (въ Житомирѣ), и *отрывокъ* изъ Лѣтковскаго Евангелія [2]). Первый былъ сдѣланъ 10 лѣтъ спустя послѣ окончанія Пересопницкой рукописи, а второй — въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка (1595—1600 г.). Вполнѣ допустимо, что сохраняются гдѣ либо и другіе списки, особенно въ Галиціи.

Сто лѣтъ спустя Иванъ Мазепа, способствуя выбору „коадъютора" (помощника) престарѣлому кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, подготовлялъ ему каѳедру въ г. Переяславѣ. Съ этою цѣлью Мазепа, „обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и чина св. ап. Андрея кавалеръ", соорудилъ въ этомъ городѣ Вознесенскій монастырь и каѳедральный соборъ и въ этотъ соборъ прислалъ 17 апрѣля 1701 года знаменитое Пересопницкое Евангеліе (см. на таблицѣ I — слова позднѣйшей записи на Евангеліи). Какимъ образомъ Мазепа узналъ про это Евангеліе, — неизвѣстно.

Такъ какъ въ зданіи Вознесенскаго монастыря позже помѣщалась Переяславская духовная семинарія, то рукопись попадаетъ въ библіотеку этой послѣдней. Здѣсь его, по указанію мѣстнаго викарнаго епископа, находитъ извѣстный славистъ и магистръ Московскаго университета *Бодянскій*, и съ тѣхъ поръ оно становится достояніемъ науки. Бодянскій бѣгло описываетъ его въ донесеніи г. Министру народнаго просвѣщенія: „величиной слишкомъ

[1]) Всѣ цитаты заимствованы изъ приписки въ концѣ Пересопницкой рукописи.

[2]) См. *А. С. Грузинскій.* Изъ исторіи перевода Евангелія въ Южной Россіи въ XVI вѣкѣ. (Чтенія Общества Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ—за 1910 годъ).

полъ аршина, оправлена въ доски, обитыя малиновымъ (?) бархатомъ, изъ коихъ уцѣлѣла только одна первая; писано прекраснымъ большимъ уставомъ, весьма хорошими чернилами; всѣхъ листовъ въ немъ 482".

Касаясь далѣе орнамента и стиля изображеній, Бодянскій пишетъ: „стиль изображенія очень похожъ на чешскій, сколько могу судить по наглядному сравненію ихъ съ видѣнными мною въ Пражскомъ Народномъ Музеѣ подобнаго же рода изображеніями" [1]).

Въ слѣдующей по времени любопытной замѣткѣ *А. Терещенко* „О евангеліи княгини Жеславской" (1861 г.) мы находимъ правильное чтеніе — *„Двориц-монастыри"* [2]); кромѣ того, имъ же сдѣланы замѣтки о внѣшней сторонѣ рукописи и объ орнаментаціи.

„Изображенія четырехъ евангелистовъ, говоритъ онъ, находящіяся противу каждаго начальнаго евангелія, не отличаются искусною кистью, но представлены съ обыкновенными своими символами; мѣстами разрисованы и усыпаны золотомъ, вокругъ же окаймлены цвѣточною съ золотомъ рамкою. Вообще, золото и цвѣты разсыпаны щедро. Буквы же передъ каждымъ началомъ разрисованы; писаніе вездѣ чистое и отчетливое, мѣстами раскрашено киноварью. Тщательное повсюду писаніе и украшенія его принадлежатъ къ щедротамъ княгинь (?) Жеславской и Гольшанской (sic!)" [3]).

Въ 60-хъ годахъ XIX ст. Переяславская семинарія переходитъ въ Полтаву, и вмѣстѣ съ нею переходитъ и Пересопницкое Евангеліе.

Свящ. *Думитрашко* описалъ эту рукопись [4]) и въ видѣ приложенія помѣстилъ два снимка, совершенно неточныхъ и сдѣланныхъ литографскимъ способомъ. Онъ, между прочимъ, увидѣлъ въ рукописи доказательство противу-раскольническаго характера въ начертаніи имени *„Іисусъ"*: Іс҃.

Болѣе всего потрудился надъ Пересопницкою рукописью маститый Кіевскій ученый *П. И. Житецкій.* Онъ написалъ рефератъ и сдѣлалъ болѣе подробное описаніе Пересопницкой рукописи [5]) съ большими извлеченіями изъ текста и приложеніемъ ряда снимковъ, которые даютъ хотя и не совсѣмъ

[1]) См. Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ. 1838 годъ, кн. V, стр. 395—400, статья *Бодянскаго:* Донесеніе Министру народнаго просвѣщенія отъ 23 марта 1838 года.

[2]) У *Житецкаго* позже (1873 г.) читается ошибочно: „дивоци (=женскій)".

[3]) См. Библіографическія Записки 1861 годъ, т. III (стр. 457—467) ст. *А. Терещенко.*

[4]) См. Полтав. Епарх. Вѣдомости, 1872 годъ свящ. *А. Думитрашко.* Замѣчательная рукопись Полтавской Духовной Семинаріи.

[5]) См. Труды III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, 1874 г., т. II. Житецкій П. И. Описаніе Пересопницкой рукописи (имѣется въ продажѣ отдѣльный оттискъ въ маг. Кіевской Старины).

точное, но довольно полное понятіе о характерѣ почерка рукописи. Но въ смыслѣ изученія художественной стороны и г. Житецкимъ было сдѣлано очень мало. Такъ напримѣръ, полемизируя съ о. Думитрашко относительно стиля орнамента, онъ пишетъ:

„Пересопницкіе бордюры ...*не могутъ относиться къ византійскому стилю.* Мы думаемъ, что своеобразность рисунковъ (собственно рамокъ или бордюровъ) заключается не столько въ композиціи, сколько въ содержаніи— *въ нихъ представлена большею частію мѣстная флора*".

Мы увидимъ впослѣдствіи, въ какой мѣрѣ были правы оба описателя рукописи. Во всякомъ случаѣ недостаточность анализа художественной стороны легко объясняется недостаткомъ опубликованнаго художественнаго матеріала по исторіи орнамента и искусства въ XVI вѣкѣ. За послѣднія 35 лѣтъ накопилось такого матеріала достаточно, и благодаря тому уже возможно стать на болѣе правильный путь.

Обратимся къ дальнѣйшей исторіи рукописи. Любопытныя свѣдѣнія относительно странствованій этой рукописи мы находимъ у *Драгоманова* [1]):

„Въ 1873 году Полтавскій Архіерей... представилъ рукопись проѣзжавшему тогда Министру народнаго просвѣщенія и Оберъ-прокурору Св. Синода графу Д. А. Толстому". „Комитетъ по устройству въ Кіевѣ археологическаго съѣзда и выставки обратился къ Полтавской семинаріи съ просьбой доставить ему на время этотъ замѣчательный памятникъ. Конференція семинаріи соглашается, но архіерей заявляетъ, что рукопись предоставлена имъ въ распоряженіе графа Толстого, а потому и не можетъ быть отправлена въ Кіевъ. Комитетъ обращается къ графу, но получаетъ тоже отрицательный отвѣтъ, мотивированный тѣмъ, что *графъ Толстой доложилъ о рукописи Государю, который повелѣлъ представить рукопись на Высочайшее воззрѣніе*".

По словамъ же *Житецкаго* [2]), Полтавское духовенство, подарило это Евангеліе въ собственность Великому Князю Петру Георгіевичу, принцу Ольденбургскому, который интересовался предметами, относящимися къ эпохѣ Петра Великаго (на Евангеліи, мы знаемъ, была запись Мазепы, современника Петра Великаго).

Лишь послѣ кончины великаго князя († 1881 г.) при содѣйствіи его Августѣйшей супруги — оно было возвращено въ библіотеку Полтавской духовной семинаріи, гдѣ оно и хранится въ настоящее время.

[1]) См. *Драгомановъ.* Сочиненія, т. II. Парижъ, 1906 года. Изд. Sosiété nouvelle de libraire et D'Edition (Примѣчаніе къ стр. 579).

[2]) Мы слышали это отъ самого г. Житецкаго.

Теперь епархіальное и семинарское начальство весьма дорожитъ рукописью и не посылаетъ ее даже на археологическіе съѣзды изъ боязни, чтобы оно не потерялось.

Послѣ возвращенія рукописи изъ Петербурга (въ 1887 г.) ею воспользовался *г. Стасовъ* для своего монументальнаго изданія по исторіи орнамента. Онъ посвятилъ этой рукописи цѣлыхъ двѣ таблицы снимковъ въ краскахъ[1]), извлекши изъ нея наиболѣе интересные мотивы. Однако, ни одинъ крупный орнаментъ не былъ представленъ полностью, а потому изъ снимковъ *Стасова* нельзя получить надлежащаго представленія о художественной сторонѣ рукописи. Очень важнымъ недостаткомъ изданія Стасова нужно считать *пропускъ миніатюръ Евангелистовъ* (хотя миніатюрная живопись и не входила въ задачу Стасова). Цвѣта красокъ нѣсколько отличаются отъ оригинала, и самый рисунокъ орнамента въ изданіи Стасова сдѣланъ, повидимому, отъ руки, а потому не совсѣмъ точенъ. Невозможно также составить общее впечатлѣніе отъ орнамента.

Тогда же (въ 1888 г.) проф. *Владиміровъ* опубликовалъ нѣсколько весьма цѣнныхъ замѣчаній о языкѣ Пересопницкой рукописи.

Въ самое послѣднее время опять усилился интересъ къ Пересопницкому Евангелію. Въ 1906 году *П. И. Житецкій* снова выступаетъ со статьей

---

[1]) См. *В. Стасовъ*: Славянскій и Восточный орнаментъ. Табл. XLVI и XLVII (объяснительный текстъ см. стр. 16—17). Таб. XLVI сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Четвероевангеліе („Пересопницкое“) 1556—1561 г. г. Библіотека Полтавской Духовной Семинаріи, въ л. пергам. („Писалъ Михаилъ Васильевичъ, сынъ протопопы зъ Санока“, въ монастырѣ св. Троицы, въ Жеславѣ (?) [Изяславль, Жеславъ, нынѣ Заславль — городъ нынѣшней Волынской губерніи (sic!)]. Долгое время эта рукопись находилась въ Пересопницкомъ монастырѣ (Пересопница — мѣстечко на Волыни, между городами Ровномъ и Луцкомъ).

1, 2, 3. Орнаментальныя рамки вокругъ изображеній евангелистовъ: Луки, Іоанна и Матоея. 4. Часть рамки на 1-мъ л. еванг. отъ Іоанна. 5, 6, 7. Орнаменты въ концѣ еванг. отъ Іоанна. 8, 11. Орнаментъ на об. л. содержащаго „Сказаніе о главахъ и зачалахъ“. 9. Орнаментъ въ концѣ книги. 10. Заставка передъ „Премо́вой“ къ еванг. отъ Іоанна. 12. Заставка передъ „Премо́вой“ къ еванг. отъ Луки.

Таб. XLVII. (Сопроводительный текстъ такой же, какъ и въ предыдущ. таблицѣ).

1. Заставка передъ еванг. отъ Матоея. 2. 3. Части орнаментальныхъ рамокъ вокругъ изображенія евангелистовъ Марка и Луки. 4. З. л. въ началѣ еванг. отъ Марка. 5. Орнаментъ въ концѣ книги. 6. Заставка передъ мѣсяцесловомъ, послѣ еванг. отъ Іоанна. 7. Д=въ началѣ предмовы передъ еванг. отъ Луки. 8. П=л. л. 55. 65. въ евангеліи отъ Матоея. 9. Ѿ=л. л. 48, 76, тамъ же. 10. Ѿ=л. 4 об. тамъ же. 11. Д=л. 28. тамъ же. 12. Д=л. 73. тамъ же. 13. П=л. 98. въ еванг. отъ Іоанна (?). 14. 15. 16. Орнаменты на оборотѣ листа, содержащаго „Сказаніе о главахъ и зачалахъ“.

„О переводахъ Евангелія на малорусскій языкъ“ [1]). *Ю. И. Тиховскій* читаетъ доклады на Харьковскомъ и Черниговскомъ археологическихъ съѣздахъ о взаимоотношеніи учительныхъ Евангелій съ Пересопницкимъ [2]), и о самомъ Пересопницкомъ Евангеліи — въ засѣданіи полтавскаго Церковно-Археологическаго Комитета.

По порученію Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества *г. Соколовскій* изучаетъ Пересопницкое Евангеліе со стороны языка; и, наконецъ, въ кіевскомъ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца въ теченіе 1909—1910 года было сдѣлано нѣсколько докладовъ относительно различныхъ сторонъ этой рукописи: см. доклады *г. г. И. М. Каманина,* проф. *Г. Г. Павлуцкаго* и *А. С. Грузинскаго* [3]).

Лѣтомъ 1910 года, во время поѣздки съ научною цѣлью, этимъ же Евангеліемъ интересовался въ Полтавѣ семинарій русской филологіи проф. Кіевскаго университета В. Н. Перетца [4]), о чемъ авторомъ настоящихъ строкъ былъ сдѣланъ докладъ 22 сентября 1910 г. въ этомъ семинаріи. И, наконецъ, въ августѣ 1910 года, при любезномъ содѣйствіи преподавателя Полтавской духовной семинаріи *В. А. Пархоменко,* Пересопницкая рукопись на нѣсколько дней снова была доставлена въ Кіевъ въ редакцію журнала *„Искусство и Печатное дѣло“*. При этомъ редакція по распоряженію редактора В. С. Кульженко сдѣлала рядъ художественныхъ снимковъ, какъ съ цѣльнаго орнамента, такъ и съ миніатюръ. Такимъ образомъ, настоящее изданіе является первымъ по времени по возможности полнымъ изданіемъ рукописи съ художественной стороны.

Такова въ общихъ чертахъ внѣшняя исторія и судьба изученія этого памятника.

Появившись на Волыни въ XVI вѣкѣ, какъ результатъ религіознаго подъема *съ идейной стороны,* и какъ результатъ эстетическаго вліянія эпохи Возрожденія—*съ художественной стороны,* — это Евангеліе заинтересовало многихъ лицъ: отъ скромныхъ тружениковъ науки до извѣстныхъ ученыхъ, отъ „люду посполитого“ до сановниковъ и Августѣйшихъ Особъ.

[1]) См. Извѣстія второго Отдѣленія Русскаго языка и словесности Император. Акад. Наукъ, т. X, кн. 4 (1906 г.).

[2]) См. „Труды“ названныхъ (XII и XIV) археологическихъ съѣздовъ.

[3]) См. *Отчеты о засѣданіяхъ этого Общества* въ газетѣ „Кіевлянинъ“ за 1909 годъ № 329 отъ 29 ноября и за 1910 годъ № 290 отъ 20 октября.

[4]) См. *В. Н. Перетцъ.* Отчетъ объ экскурсіи семинарія русской филологіи въ Полтаву и Екатеринославъ. 1—9 іюня. Кіевъ. 1910 г. (стр. 10—13).

Рис. 1. Польскій орнаментъ (Przywilej Opatowski 1519 г.). 1/2 натур. величины.

II.

ОРНАМЕНТИКА.

Главною цѣлью настоящаго очерка является давно назрѣвшая необходимость представить точное описаніе орнамента Пересопницкой рукописи, произвести анализъ орнаментальныхъ мотивовъ, выдѣлить разнородныя стихіи, отразившіяся здѣсь подъ вліяніемъ западнаго искусства эпохи Возрожденія, сблизить художественную внѣшность рукописи съ извѣстными славянскими, русскими и западно-русскими рукописями.

Въ поискахъ такой культурно-исторической связи намъ пришлось уже въ другой работѣ коснуться вопроса о взаимоотношеніи самаго перевода Евангелія на „мову русскую" съ другими славянскими переводами. Полагаемъ, что и въ этой области, въ области исторіи южно-русскаго искусства, необходимо итти тѣмъ же медленнымъ и осторожнымъ путемъ сравнительныхъ разысканій, чтобы достигнуть какихъ нибудь прочныхъ результатовъ. Если при этомъ намъ удастся также обнаружить замѣчательное по истинѣ художественное единство въ замыслѣ и исполненіи *внѣшней стороны Пересопницкой рукописи*, то можно будетъ считать нашу задачу достигнутой.

Самая эпоха, къ которой относится Евангеліе, имѣетъ жгучій интересъ во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ взаимоотношеніи и скрещеніи художественныхъ силъ, породившихъ этотъ памятникъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ идейное воодушевленіе, самый языкъ, государственный укладъ и строй жизни *на Волыни*, если мы разсмотримъ только теченія въ области исторіи искусства, даже еще тѣснѣе—искусства миніатюры и орнаментаціи, то и это будетъ по своему существу большая задача. Но здѣсь же необходимо придется затронуть и вопросъ о графикѣ, *о почеркѣ*,—загадочномъ, таинственномъ почеркѣ, разнообразіе котораго не знаетъ себѣ равнаго во всемъ древнемъ графическомъ искусствѣ Россіи.

Оживлять искусною рукою кропотливое дѣло рукописанія при помощи орнаментики и миніатюръ, прилагать къ нимъ попытки удовлетворенія художественныхъ запросовъ души—всѣ эти явленія породили на Западѣ (отчасти и на Востокѣ) цѣлыя школы миніатюристовъ. Въ южно-русскомъ искусствѣ повидимому раньше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, замѣчается вкусъ къ богатымъ формамъ Возрожденія. Это было въ XVI в. уже дѣломъ моды [1]).

Мы уже знаемъ исторію возникновенія Пересопницкой рукописи. Имѣемъ даже возможность подозрѣвать, кто былъ *писецъ* рукописи. Но кто былъ художникомъ орнаменталистомъ? Пересопницкая рукопись на это не даетъ прямого отвѣта. Въ ней чрезвычайно много заставокъ, инщіаловъ, отъ простѣйшей древнѣйшей формы до сложной византійской, геометрической и т. д. Разсматривая отдѣльно каждую такую орнаментальную единицу, можно было бы указать довольно много параллелей въ сѣверно- и южно-русскихъ, молдавскихъ и славянскихъ рукописяхъ. Элементы эти—контурныя окаймленія, ленточныя плетенія съ золотыми ободками встрѣчаются въ большомъ количествѣ [2]).

Оригинальную особенность составляетъ примѣненіе перспективы въ буквѣ В и употребленіе чисто архитектурныхъ формъ въ изображеніи другихъ буквъ (столбы съ аркой въ буквѣ П). Есть также довольно много слѣдовъ и чудовищнаго стиля въ иниціалахъ. Въ одномъ случаѣ (въ заключительной заставкѣ) видимъ стилизованные дубовые листья и жолуди. Но главное содержаніе орнамента Пересопницкой рукописи представляютъ собою *растительные мотивы*, относящіеся къ эпохѣ Ренессанса. Любопытно,

[1]) См. *Sprawozdania Komisyi* do badania Historyi *Sztuki* w Polsce. W Krakowie. т. V, стр. 75. *Mar. Sokolowski*. „Miniatury włoskie biblioteki Japellońskiej i modlitewnik francuski ks. Samuela Sanguski“: „Miniaturami jednak podobnemi zdobione były nietylko kościelne, ale zarówno książki naukowe i świeckie. W XIV w. było *modą i obowiązkiem nieledwie każdego młodego człowieka, dbającego o opinię swych towarzyszy, illuminowanie kodeksu, który służył mu do nauki. Stawało się warunkiem wykwintności, elegancyi i że tak powiemy, średniowiecznego szyku*“... „Odofredus, w komentarzach prawnysh, cytował wypadek o synu, któremu ojciec, wysyłając go do nauki, przeznaczył 100 liwrów na rok i dał do wyboru Bolonię lub Pariż. Syn wybrał świętniejszą stolicę Francyi, *lecz kazał malіowac i złocic zanadto często swe rękopisy* i sprawiał sobie nowe obuwie co sobota, wskutek czego przyszedł do ruiny“.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ Патерикѣ Печерскомъ 1554 года (въ библіотекѣ Кіев.-Печер. Лавры) мы встрѣчаемъ точно такую же *заставку* на первомъ листѣ, какъ и на первомъ листѣ Пересопницкой рукописи.

что такое смѣшеніе стилей въ орнаментикѣ отмѣчено для французскихъ рукописей уже въ IX—X вѣкѣ [1]).

Оставляя въ сторонѣ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ заставокъ, инициаловъ и т. п., обратимся прямо къ описанію и анализу орнаментныхъ мотивовъ, находящихся въ широкихъ рамкахъ или бордюрахъ въ 50m/m ширины. Бордюры эти окаймляютъ изображеніе Евангелистовъ или находятся на каждомъ заглавномъ листѣ текста отдѣльнаго Евангелія. Средняя длина и ширина бордюра въ Пересопницкой рукописи, соотвѣтственно длинѣ и ширинѣ пергаминнаго листа, равна 330m/m×200m/m. Всѣ рисунки выдѣляются на сплошномъ золотомъ фонѣ.

Всматриваясь въ эти рамки или окаймленія, мы должны отмѣтить прежде всего, что каждый орнаментъ представляетъ изъ себя одно законченное и стройное художественное цѣлое: въ каждомъ изъ нихъ можно найти опредѣленный замыселъ художника. Особенный художественный интересъ представляетъ собою орнаментъ вокругъ *изображенія евангелиста Матѳея.* (См. таб. II). Поэтому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Начинается онъ внизу, посрединѣ нижней стороны рамки, изъ корзины или вазы, стоящей на четырехгранной маленькой подставкѣ. На передней сторонѣ этой подставки находится надпись, сдѣланная золотомъ: буквы — ҂АФНЅ (=1556 г.). На это необходимо обратить особое вниманіе, между тѣмъ, какъ до сихъ поръ эта дата почему то ускользала отъ вниманія палеографовъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ орнаментъ, умышленно датированный самимъ художникомъ [2]).

---

[1]) Въ рукописяхъ, написанныхъ для Карла Великаго и его преемниковъ, „головы животныхъ помѣщаются преимущественно въ окончанія. *Ленточная плетенка* сперва становится роскошнѣе, красочнѣе, но потомъ лиственный орнаментъ, подражающій аканоу, постепенно вытѣсняетъ въ окончаніяхъ какъ плетенку, такъ и головы животныхъ“. (См. Верманъ. Истор. Искусствъ т. II, стр. 132).

[2]) Очень характерно то обстоятельство, что на печатномъ портретѣ доктора Скорины ***наверху*** на колечкѣ, среди вѣнка изъ дубовыхъ листьевъ и желудей, находится также четырехугольная дощечка съ надписью ҂АФЗІ (1517 г.). См. книгу *Владимірова*. Докторъ Францискъ Скорина: портретъ Скорины (въ началѣ книги). Орнаментика вокругъ изображенія евангелиста Матѳея можетъ быть сближена въ Пересопницкой рукописи также съ изданіями Скорины (1525 г.): нижняя часть орнаментальной рамки похожа очень *въ контурѣ* на заставку въ „Малой подорожной книжицѣ“ Скорины. Здѣсь мы какъ разъ встрѣчаемъ систему двухъ вѣтокъ, выходящихъ изъ вазы. См. Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій. *С. Л. Пташицкій,* изд. Р. Р. Голике. С.-Петербургъ, 1895 г. Табл. VII. „1525 г. Малая подорожна книжка“ — верхняя заставка въ этой книгѣ, напечатанной Скориною въ Вильно (послѣднее его изданіе).

Изъ корзины выходятъ двѣ длинныхъ вѣтви, которыя непрерывно и симметрично тянутся вверхъ по правой и по лѣвой сторонѣ бордюра. Отсюда же выходятъ и два небольшихъ акантовыхъ листа. Для удобства обозрѣнія мы раздѣляемъ нижнюю и боковую вѣтку на семь орнаментальныхъ единицъ или элементовъ, считая по одному завитку въ каждомъ. (Рекомендуемъ при чтеніи описанія имѣть передъ собою соотвѣтствующую таблицу).

Первый элементъ, ближайшій къ подставкѣ, представляетъ изъ себя зеленый листъ, который изящно загибается направо и заканчивается синимъ крестообразнымъ цвѣткомъ аканта *на коричневой чашечкѣ.*

Второй орнаментальный элементъ находится въ углу: листокъ тянется по нижнему краю рамки до угла. Онъ окрашенъ въ *нѣжно-сиреневый* цвѣтъ, восходящій листокъ въ углу — *зеленаго* цвѣта, верхняя отходящая вѣтвь — *красная.* Тоненькіе усики синіе и красные, *цвѣтокъ и почка синіе.*

Третій элементъ. Изъ ложа предыдущаго элемента, немного оторвавшись, отходитъ по касательной линіи синій черенокъ съ красивымъ краснымъ цвѣткомъ, а отсюда выходитъ зеленый листъ; въ цвѣтоносномъ узлѣ помѣстился красный цвѣтокъ съ синей тычинкой, сиреневый падающій листокъ значительно длиннѣе противоположнаго; внутри находится *синій цвѣтокъ съ зеленой чашечкой.*

Четвертый элементъ. Спираль этого элемента согнута налѣво, восходящій и нисходящій листки идутъ почти параллельно одинъ другому, съ едва замѣтной сигмообразной кривизной, и по величинѣ равны между собою. Внутренній цвѣтокъ имѣетъ красную чашечку о трехъ лепесткахъ.

Пятый элементъ. Завитокъ обращенъ направо. Въ узлѣ расхожденія небольшой красный цвѣтокъ. Внутри завитка синій бутонъ и фіолетовый цвѣтокъ. Листы въ этихъ элементахъ, какъ и въ слѣдующихъ, окрашены въ чередующемся порядкѣ то въ зеленый, то въ сиреневый цвѣтъ.

Шестой элементъ. Цвѣтокъ имѣетъ синюю чашечку, лепестки и плодъ (аканта?), полуприкрытый листкомъ. На мѣстѣ завязи красный шарикъ.

Седьмой или заключительный элементъ. Оранжевая завязь выпускаетъ обычную вѣтку, которая прерывается синимъ цвѣтоноснымъ узломъ. (Это и составляетъ верхнюю точку боковыхъ вѣтвей орнамента). Внутри завитка вся вѣтка оканчивается краснымъ цвѣткомъ.

Лѣвая вѣтка растительнаго орнамента въ общемъ симметрична съ правой, но въ деталяхъ наблюдаются нѣкоторыя отступленія. Такъ, напримѣръ, въ 3-й по нашему счету орнаментальной единицѣ отсутствуетъ завязь. Че-

твертый элементъ посрединѣ синій, по бокамъ красный. 5-й элементъ—сплошной красный, 6-й—весь оранжевый, 7-й—красный съ синими шариками.

Общій характеръ орнаментаціи лѣвой стороны нѣсколько тѣснѣе и какъ будто небрежнѣе сравнительно съ правой стороной. Цвѣтоносные узлы окрашены въ различные цвѣта.

Верхній край рамки представляетъ изъ себя самостоятельную систему, хотя и родственную по растительнымъ мотивамъ съ остальнымъ орнаментомъ. Здѣсь также изображены двѣ вѣтви, пересѣкающіяся крестообразно, причемъ мѣсто пересѣченія *покрыто довольно большимъ синимъ гербовымъ щитомъ, однако, безъ герба.*

Спиральные симметричные завитки похожи на завитки въ остальной части рамки. Здѣсь же, въ верхнихъ углахъ, находится *самая замѣчательная особенность орнамента Пересопницкой рукописи.*

Мы имѣемъ въ виду *изображеніе двухъ амуровъ* съ крылышками. Одинъ изъ нихъ изображенъ въ профиль, а другой „en face“ [1]). Оба они стоятъ, опершись ногами на заключительные элементы или верхніе завитки боковыхъ вѣтвей. Одною рукою они какъ бы поддерживаютъ верхнія вѣтки орнамента. Въ другой рукѣ они держатъ трубы.

Мы считаемъ это самой замѣчательной особенностью, потому что до сихъ поръ Пересопницкую рукопись не удавалось сблизить въ отношеніи орнамента ни съ одною рукописью, написанной въ томъ же мѣстѣ и въ ближайшее время къ ея написанію, т. е. въ половинѣ XVI вѣка [2]).

Несмотря на довольно большой размѣръ рамки (въ натурѣ: 35,5 ст. × 21 ст.), самая миніатюра занимаетъ незначительное пространство. Это произошло отъ того, что внизу узкаго четырехугольнаго внутренняго пространства отдѣлена значительная часть для подписи подъ изображеніемъ (золотыми буквами), здѣсь же находится и узенькая заставка плетеночнаго характера, а вверху отдѣлены два угла довольно значительной величины такимъ образомъ, что миніатюра имѣетъ куполообразный луковичный сводъ.

Въ этихъ углахъ на золотомъ фонѣ помѣщены двѣ пары акантовыхъ пересѣкающихъ вѣтвей—краснаго и синяго цвѣта. Вѣтки здѣсь изображаютъ лицевое положеніе развернутаго акантоваго листка. Точно такое же дѣле-

---

[1]) См. Стасовъ. Слав. и Восточн. Орнам. Табл. XLVI.

[2]) Лишь въ недавнее время (лѣтъ около 15 тому назадъ) среди рукописей Владимiръ-Волынскаго братства нашлась одна рукопись, а именно, „Апостолъ Загоровскаго Монастыря *1554 года*“. Этотъ Апостолъ имѣетъ совершенно сходную, родственную,—хотя и не тождественную орнаментацію—до амура включительно (См. объ этомъ ниже).

ніе пространства наблюдается и во всѣхъ остальныхъ миніатюрахъ. Эти двѣ пары вѣточекъ особенно характерны—*онѣ совершенно одинаковы во всѣхъ четырехъ миніатюрахъ*. Уже это одно является прекраснымъ показателемъ *единства художественнаго замысла*.

Такая же вѣтвь аканта въ увеличенномъ видѣ составляетъ *содержаніе орнамента въ рамкѣ вокругъ изображенія евангелиста Марка* (см. табл. IV). Однако принципъ этого орнамента совершенно иной по сравненію съ первымъ орнаментомъ. Здѣсь художникомъ примѣняется система *расходящихся парныхъ сплетеній* изъ акантовыхъ вѣтвей отчасти въ лицевомъ видѣ, въ развернутомъ положеніи, отчасти въ профильномъ положеніи. Такихъ *паръ* въ общемъ насчитывается *шесть*. Изъ нихъ четыре пары вѣтвей меньшихъ заполняютъ углы рамки, а двѣ пары большихъ занимаютъ остальное пространство въ боковыхъ сторонахъ.

Самыя окончанія и вегетативные отростки окрашены въ нѣжные цвѣта, а вѣтки краснаго и синяго цвѣта съ тѣнями. Чрезвычайно большое количество отходящихъ побочныхъ вѣтвей и отростковъ придаетъ орнаменту оригинальный кудреватый видъ. Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что общая длина и ширина *осей* спиральнаго завитка средней величины равны между собою въ орнаментикѣ трехъ евангелистовъ: Матѳея, Марка и Іоанна (5 cm. и 4,5 cm.), а *особенно важно, что длина самыхъ вѣтвей въ спирально-загнутомъ завиткѣ и въ развернутомъ видѣ въ общемъ совпадаетъ съ длиной большой вѣтви, изогнутой S-образно* = около *19,5 cm*. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ представленіи орнаментировщика въ сущности была одна и та же акантовая вѣтвь, несмотря на кажущееся разнообразіе въ орнаментѣ. И это подтверждаетъ наше первое положеніе относительно художественнаго единства орнамента.

Орнаментъ вокругъ изображенія евангелиста Луки (таб. VII) можно считать самымъ оригинальнымъ. Прежде всего онъ чрезвычайно сложенъ и имѣетъ общее сходство съ скульптурнымъ типомъ орнамента. Вверху и внизу посрединѣ рамки имѣются цвѣточные заставки такого же размѣра, какъ ширина самой миніатюры. Заставка внизу не составляетъ завитковъ. Цвѣты аканта развернуты по плоскости рамки. Главный цвѣтокъ—самый большой—имѣетъ синюю чашку цвѣтка съ четырьмя рѣзными лепестками сердцевидной формы. Отсюда, изъ сиреневаго ложа, отходятъ вѣтви съ такими же листьями, какъ и въ орнаментѣ вокругъ св. Матѳея. Среди нихъ находится три коротенькихъ цвѣтоножки. На средней цвѣтоножкѣ цвѣтокъ очень близокъ къ *шестому элементу* первой рамки (см. таб. II и объясненіе

къ ней). Два боковые цвѣтка окрашены въ красный цвѣтъ съ синей шарообразной завязью. Листья тонкіе, парные, усики тонкіе. Наверху въ заставкѣ мы имѣемъ два цвѣтка въ лицевомъ положеніи. Они расположены симметрично по бокамъ опрокинутаго акантоваго цвѣтоложа. Орнаментъ въ боковыхъ сторонахъ состоитъ изъ шести частей, расположенныхъ симметрично, колонною, по три части одна надъ другою. Въ самомъ расположеніи и композиціи сказывается большое изящество вкуса иллюстратора. Каждая часть отдѣляется отъ другой дугообразно изогнутой перемычкой, служащей основой для слѣдующей части. Въ деталяхъ симметричныя части не вполнѣ тождественны. Для образчика приведемъ описаніе одной изъ нихъ (средней части на лѣвой сторонѣ). На перемычкѣ находится цѣлое гнѣздо акантовыхъ трилистниковъ краснаго и синяго цвѣта. Отсюда выходитъ тонкій стержень и двѣ вѣтки синяго цвѣта, расположенныя симметрично по бокамъ стержня. По срединѣ высоты стержня они схвачены кольцомъ, отсюда снова выходитъ двѣ вѣтки краснаго цвѣта. Стержень оканчивается синей трехчленной розеткой. И все это, конечно, выдѣляется на золотомъ фонѣ.

Орнаментъ вокругъ изображенія евангелиста Іоанна (таб. VIII) среди всѣхъ орнаментовъ сохранилъ самый строгій типъ ренессанса въ стилѣ *орнамента рафаэлевскихъ ложъ въ Ватиканѣ*. Завитокъ аканта успѣваетъ сдѣлать при этомъ двойной оборотъ. Чередованіе красокъ въ завиткахъ таково:

Лѣвая сторона: зеленый, красный, сиреневый.
зеленый, красный, сиреневый.
Правая сторона: красный, синій, сиреневый.
красный, синій, сиреневый.
Верхній край: сиреневый, голубой.
Нижній край: два зеленыхъ завитка.

Внутри рамки, разсѣкая орнаментированное пространство, по всѣмъ четыремъ сторонамъ идетъ стержень, образуя своеобразную четырехугольную рамку.

Обратимся теперь къ орнаменту, украшающему начальныя страницы текстовъ отдѣльныхъ евангелій.

Предъ началомъ текста евангелія отъ Матѳея вѣтка орнамента вступаетъ туда изъ буквы К, и представляетъ изъ себя развернутый цвѣтокъ аканта въ лицевомъ положеніи.

Теперь по порядку должна быть разсмотрѣна орнаментированная рамка *въ началѣ текста евангелія отъ Марка* (См. таб. V). Господствующій мотивъ здѣсь—разноцвѣтный акантовый цвѣтокъ съ мелкими листочками и съ цѣлой

сѣтью переплетающихся тоненькихъ усиковъ. Господствующіе цвѣта—красный и синій, фонъ золотой. Посрединѣ правой стороны орнаментъ прерывается темно окрашеннымъ пространствомъ, на которомъ золотомъ изображены буквы: гл҃а. а҃. з҃а. а҃. Сплетенія усиковъ образуютъ петли, расположенныя крестообразно, причемъ листочки попарно, чередуясь цвѣтомъ, расходятся въ противоположныя стороны. Общій характеръ растительнаго орнамента—легкая, прозрачная сѣть изъ перечисленныхъ элементовъ.

Сверху находится заставка, составляющая непосредственное продолженіе бокового окаймленія, но она значительно отличается отъ сосѣдняго орнамента: это обычный *мотивъ парныхъ расходящихся вѣтвей аканта*, выходящихъ изъ *сосуда*, съ маленькими прикрывающими листочками. По рисунку и стилю эта заставка напоминаетъ орнаментъ вокругъ евангелиста Матѳея (внизу).

Рамка включаетъ въ себя *заставку* надъ текстомъ плетеночнаго геометрическаго характера (См. орнаментъ Загор. Апост.). Въ этомъ орнаментѣ соединены три стиля: стиль Возрожденія, геометрическій и тератологическій.

Необходимо также остановиться болѣе подробно на орнаментѣ вокругъ *начальной страницы евангелія отъ Іоанна* [1]). (См. таб. IX).

Въ верхней части надъ обычной плетеночной заставкой находится растительная заставка, равная по длинѣ нижней. Она повторяетъ отчасти мотивы орнамента вокругъ евангелиста Матѳея. Составлена она двумя вѣточками со скрещенными концами въ серединѣ. Мѣсто вокругъ скрещенія ихъ охвачено ромбовидной фигурой. Вѣтка скомбинирована изъ двухъ элементовъ—ближайшій къ срединѣ завитокъ оканчивается листкомъ *трилистника* съ одной стороны. Форму листка съ другой стороны трудно опредѣлить, благодаря стилизаціи. Заключительный элементъ съ правой стороны—акантовый цвѣтокъ, съ лѣвой—неизвѣстный плодъ (аканта?).

Правый и нижній края орнамента имѣютъ нѣсколько своеобразное построеніе. Онъ, подобно орнаменту передъ текстомъ отъ Марка,—разрывается на двѣ части. Типичный ходъ раздвоенія акантовой вѣтви здѣсь таковъ: сначала идетъ *спиралеобразный завитокъ* + S-*образная отходящая часть*, которая переходитъ въ дальнѣйшее развѣтвленіе по тому же закону, причемъ длина S-образного отростка вдвое больше поперечной оси.

Свободное пространство, образовавшееся благодаря легкости и тонкости рисунка, занято свободною вѣтвью, лежащею параллельно основной вѣтви. Эта свободная вѣтвь нѣжно-сиреневаго цвѣта съ зеленымъ отворотомъ.

[1]) См. Стасовъ. Таб. XLVI, рис. 4.

Кромѣ того, по полю разбросаны небольшіе шарики, одноцвѣтные съ главною вѣтвью (ягоды). Обычно чередованіе краснаго и голубого цвѣта.

Такова въ общихъ чертахъ картина орнамента Пересопницкой рукописи. Мы видѣли въ немъ самые разнообразные элементы въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Однако всѣ они *въ большинствѣ восходятъ къ стилизованному аканту* (akanthus spinosus) въ различныхъ комбинаціяхъ. По контуру нѣкоторыя заставки растительнаго орнамента сближаются съ заставками венеціанскихъ и славянскихъ изданій нач. XVI вѣка, а также западно-русскими изданіями *доктора Скорины* (1519—1525 г.г.)[1]). Еще сильнѣе на немъ отразилось *польское* и западно-европейское (въ частности—*итальянское*) вліяніе. Такъ какъ въ основѣ всего орнамента вокругъ изображеній лежитъ *акантъ*, въ одномъ случаѣ даже *съ амурами*, то мы можемъ болѣе точно опредѣлить и самую эпоху проникновенія этого орнамента, а именно: онъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ *эпохѣ Возрожденія*. Въ южной Россіи это какъ разъ совпало съ расцвѣтомъ итальянскаго вліянія въ скульптурѣ— въ частности въ золоченіи и bijouterie[2]), въ архитектурѣ и т. д. Теперь мы будемъ подыскивать параллели къ нашему орнаменту въ искусствѣ различныхъ смежныхъ народностей. Съ этою цѣлью мы прежде всего обратимся къ *польскому орнаменту*. Въ *Миссалѣ 1482 г.* мы находимъ такое изображеніе: *два ангела* держатъ среди готической растительности щитъ съ гербомъ Гнезненскаго архіепископа[3]).

Въ другомъ *Миссалѣ 1504 года два амура*, одѣтыхъ въ рубашечки, держатъ щитъ съ гербомъ другого Гнезненскаго архіепископа[4]). Орнаментъ представляетъ изъ себя несомнѣнный акантовый спиральный завитокъ, который оканчивается крестовидной розеткой.

Орнаментъ пергаминной *Пулавской псалтыри* изъ библіотеки княз. Чарторыйскихъ XV в. также немного напоминаетъ орнаментъ Пересопницкой рукописи[5]).

---

[1]) См. журналъ „*Искусство и Печатное дѣло*" за 1910 г. № XI (ноябрь) стр. 497, 501 и 504 орнаментъ вокругъ изображенія св. Николая (1536—1538 г.) и заставка въ часословцѣ *1565 г.*: № XII (декабрь) стр. 521: концовка.

[2]) См. *Sprawozdania* Komisyi do badania Historyi Sztuki w Polsce: см. Kwartnik Historyczny. R. IV. 1890 г. стр. 154: Losinski. Acta Leopolitana.

[3]) Рукопись Импер. Публ. Библіотеки въ С.-Петербургѣ № 85. (См. *Стасовъ*. Славянскій и Восточный Орнаментъ. Табл. CXVIII). 1.

[4]) Рукопись Импер. Публичн. Библіотеки въ С.-Петербургѣ № 111. (См. *Стасовъ*. Слав. и Вост. Орнаментъ. Табл. CXVIII), 5.

[5]) См. *Стасовъ*. Славян. и Восточн. Орнаментъ. Таб. CXVI, № 11; таб. CXVII (№ 2). Библіот. кн. Чарторыйскихъ № 1269, 80.

Повѣсть нѣкая о хожденїи всего

лѣта, числа евангельско. И евангелистѡ прїятїе. Ѿ книж(ицы) починаются. Николая составляю.

Вѣдомо же написано, яко чтется рядовы евангелїа Іоанна святого всѣмъ недѣлямъ и четаемы ѿ великїя недѣли пасхы. Кроме нѣкии тридновъ. Аще и дене же святого евангелїа чтутся ѿ понедѣлка, по н(е)д(ѣ)ли, иже есть святого духа. Яже до пятка по въздвиженїи,

Сїе евангелїе прислано и дано е(сть) ѿ кнезе
Велможного его м(и)лости П. Мана

I. Снимокъ съ 2-го листа, въ 4/5 натур. величины.

II. Миніатюра и орнаментъ вокругъ изображенія Евангел. Матѳея, въ 4/5 натур. велич.

Еѵанѓелистъ выписоуе, ıакъ не годитсѧ женѣ соромотити. Тамъ ѡ скопцехъ. Тамъ же ıакъ Хс на дѣти роуки покладоуе. Тамъ, ıако по(т)коли для Хрста богатество ѡпоустити. Сто кротъ болше возметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ. Слава.

Егда доконалъ Іс тои рѣчи.
вышолъ з Галилеи. И
пришолъ ку оукраины
Иоудейскыѧ. по сю сто
ронѣ Іордана. И за нимъ и
шли народи многїи. И оу
здоровилъ ихъ тоу. прє, па вто.
И приступили к немоу фа
рисеє збла(з)нѧючи его
рекоучи емоу. Если годитсѧ
члвкоу поустити женоу свою,
што жъ бы колве завинила.
Іс же ѡтповедаючи рекл имъ.
Чи не читали есте, тїи кото
рыи створилъ с початкоу моу

III. Снимокъ съ 82-го листа, въ натуральн. величину.

IV. Миніатюра и орнаментъ вокругъ изображенія Еванг. Марка въ $^{4}/_{5}$ натур. велич.

V. Снимокъ съ орнамента и первой страницы Евангелія отъ Марка, въ 4/5 натур. велич.

VII. Миніатюра и орнаментъ вокругъ изображенія Еванг. Луки въ 4/5 натур. велич.

VIII. Миніатюра и изображеніе Еванг. Іоанна Богослова, въ 4/5 натур. велич.

ѾІОАННА СТОЕ ЕУАНГЛЇЕ ЧТЕНЇЕ
ВЪ СТѪ И ВЕЛИКѪЮ НЕДЕЛЮ ПАСХЫ
ВЪ НАЧАЛѢ БЫЛО
СЛОВО. И СЛО
ВО БЫЛО ѾБГА
И БГЪ БЫЛЪ ТО
СЛОВО. ТО
БЫЛО НА ПОЧА
КОУ ОУ БГА. И
ВСѢ РѢЧИ ЧЕРЕЗ НЕГО СѦ СТА

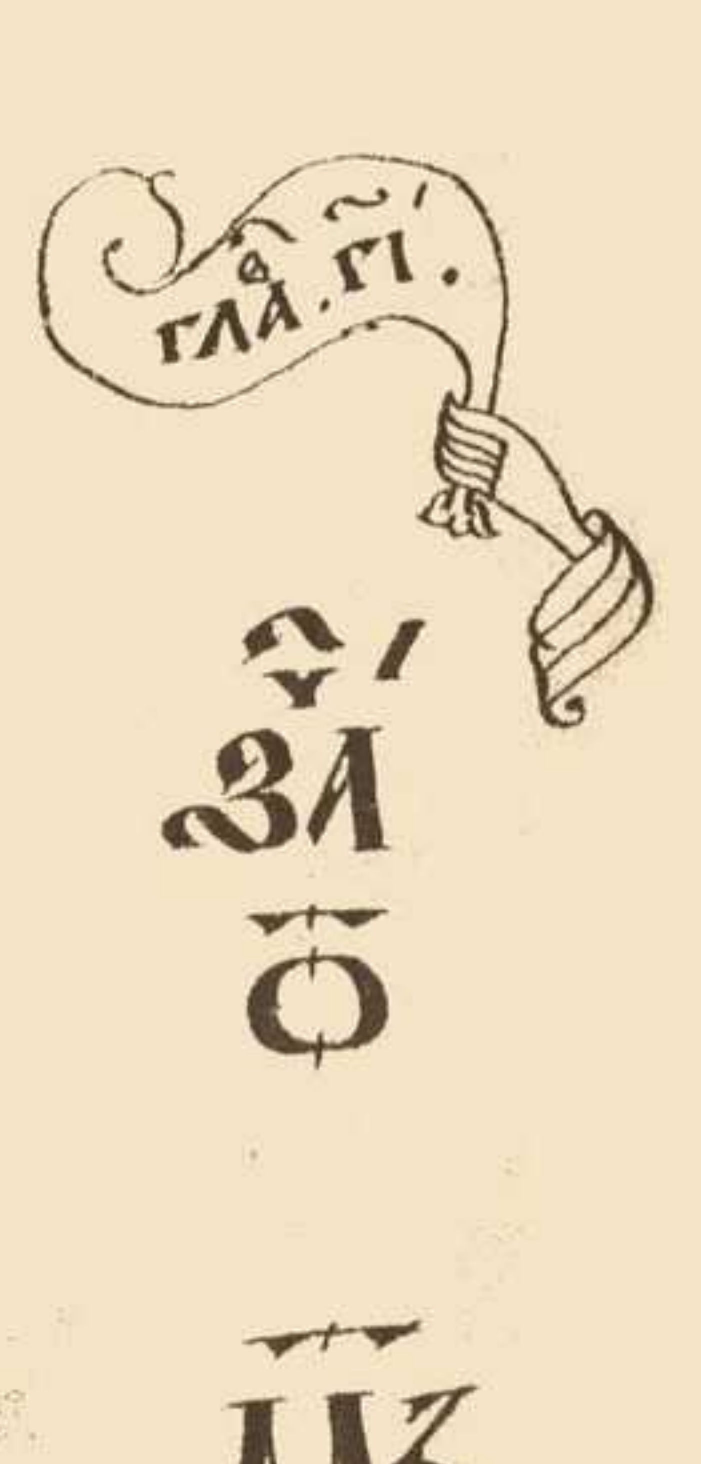
IX. Орнаментъ и текстъ начала еванг. текста отъ Іоанна,
въ 4/5 натур. велич.

Еулистъ.

не притягноуль к сѹдѣ. а соу
дѧ выдасть тебе слоузѣ. а
слоуга всадит тѧ в темницоу
повѣдаю тобѣ, иже не выи
деш оттол, аж оддаси послѣнии
конець, пѣнезь среднѣ.

Еулиста выписоуе, иже хс в притчи, з морьдованных, галилейскых напоминаеть. а бы чинили покааніе, при водячи неплодноую смоковницоу. и с тыиж женоу, ко тораа лѣт ні скочена была, оуздоровлѣваеть. тыи оучителеви собор номоу примовлѧеть. тыи ако повѣдаеть о цртвіи бжіи. ко оузе ноу горчичномоу и кваснѣ прировнѧеть. а продали с пшеницею называеть :~

[П]ришли пак в тоу нѣко
торыи в тот час, и повѣ
дали емоу о галилеох
которыиже то пилат кровь
змешал из жертвами их и
юпак отповѣдал, и ре
кл им. вы надѣетесѧ
иже были тыи то галилеане

Х. Снимокъ съ 279-го листа Перес. рукоп., въ натуральн. величину.

Кешкалютомоу в новом тестаменте, або в новом законе бжественны.

Которую есми за помочю бжїею и написаль. Накладом выше

описаной благо верной и хрстолюбивой кнгини Козминой Ивановича

Жеславской. Кнгне Параскевгїи, названной Настасе Юревны Голь

шанского. Прото прошу вас, свщенници, отци и дїакони, и всей

которыи есте в крилосе причтенныи, слоугы црковныи. Если бы где в

главе, любо за чтаню, лико потакоу, лико концы и з грубыхъ. Што

варищель ... мовати, або в помысле сего светими мыслами исправ

ляйте, а не зле тоучте писавшемоу. Ѽже прочитаючи благословлати.

Все нехай будеть благо

оугодно и подобно Тво

емоу, яко любномоу

кледію. Тыж имѣ

ете есте по милости

Твоей. И по многых

твоих. И далимь

истинного Бга,

оже и досмети

тымъ нехай

и честь, бгу

и хоть,

щедробливостямъ

абыхъ тебе единого

хвалил, сына

твоего. Оза

будеть хва

отцу. свено

стымъ

и вѣкы вѣчныи, славне тривалы усемоу. Аминь.

XI. Снимокъ съ послѣдней страницы Пересопницкаго Евангелія, въ натур. величину.

Но особенно характерна для орнамента Пересопницкаго Евангелія орнаментація слѣдующаго польскаго памятника, изданнаго *Wojciechom Gersonom* [1]). Мы имѣемъ въ виду Przywilej Opatowski 1519 года. (См. рис. 1, стр. 8).

Разбирая стиль орнаментаціи, авторъ статьи объ этомъ памятникѣ говоритъ, что иные рисунки здѣсь „już zarysem ogólowym *należą do form renessansowych*". „Дата документа доказываетъ, что авторъ рисунковъ былъ... na wysokosti sztuki wspólczesniej, w której motiwa znikającej i przekwitającej ornamentyki ostrołucowej *z motywami następującej włoskiej się łączyły*" [2]). И въ самомъ дѣлѣ, характеръ развѣтвленія и сочетанія цвѣтовъ, ширина рамки, золотой фонъ, рисунокъ аканта — все это совершенно совпадаетъ съ основнымъ мотивомъ нашего орнамента.

Чешскій орнаментъ также довольно близко подходитъ къ пересопницкому по манерѣ заполнять края листа растительными композиціями изъ вѣтокъ розъ, волчцевъ и т. п. Часто среди вѣтвей бываютъ изображены *амуры* (рис. 2, на стр. 18). Особенно близко подходитъ орнаментъ чешскаго *Gradual-я 1552 г.* [3]). Очевидно, эти рукописи Чешскаго музея и имѣлъ въ виду *Бодянскій*, когда сближалъ съ ними орнаментъ Пересопницкой рукописи.

Образецъ орнамента *Дубровницкихъ рукописей* извѣстенъ намъ по *Миссалу XVI в.* Здѣсь миніатюры и орнаментъ переплетаются съ охотничьей сценкой. Спираль здѣсь имѣетъ весьма удлиненную форму [4]).

Какъ было уже сказано выше, корни такого способа орнаментаціи рукописей мы должны искать въ живописномъ орнаментѣ *Итальянскаго Возрожденія.*

Въ одной рукописи XVI вѣка Туринской библіотеки (рис. 3, на стр. 19) мы находимъ чрезвычайно любопытную параллель къ нашей орнаментикѣ. Это наиболѣе наглядно выяснится, если мы обратимъ вниманіе на нѣжную раскраску листьевъ, составляющихъ завитки, на чередованіе тоновъ, золотой фонъ, ширину рамки и манеру заполнять пространство [5]), мы легко убѣдимся при этомъ, что рукописи принадлежатъ къ одной эпохѣ.

---

[1]) См. Sprawozdania Komisyi do badania Historyi Sztuki w Polsce. т. V, zeszyt 1. (Krakowie 1891 г.). Przywilej Opatowski. стр. 104—106, и приложенія—таб. 2.

[2]) Sprawozdania..., т. V, стр. 106.

[3]) См. *Soupis památek historickych a uměleckych*. Knihovna kapitulni v Praze 1903. Dr. A. Podlaha (стр. 240): „Na levém okraji ornament motivu stoliste růže v něm upostřed dva andilci" (рис. 284).

[4]) *Стасовъ*. Славян. и Восточный орнаментъ. Таб. CXI, 5. 7.

[5]) См. Таб. XVIII изд. Шпейера. Внутри завитка помѣщены птицы вмѣсто цвѣтовъ

Искусство орнамента въ растительныхъ формахъ[1]) достигло наибольшаго развитія въ Италіи въ началѣ XVI вѣка при Рафаэлѣ и *его ученикахъ*. Достаточно указать на орнаментъ въ „Ватиканскихъ ложахъ" Рафаэля, какъ на высочайшій образецъ, которому стала подражать вся Италія[2]). Особенно прославились въ этомъ отношеніи ученики Рафаэля—Giovano del Udino, Giulio Romano и Perin del Vaga. Проникновеніе итальянскаго вліянія непосредственно изъ Италіи въ Польшу, а чрезъ нее и въ Южную Русь, было особенно сильно *въ началѣ и серединѣ XVI вѣка*, благодаря появленію въ Польшѣ королевы—итальянки *Bona-Sforza*, жены *Zygmonta Starego*[3]).

Рис. 2. Чешскій орнаментъ (Latinsky Gradual 1552 г.) Jana Taborského a Fabiána Puléra. 2/7 натур. велич.

Такимъ образомъ, если мы будемъ разсматривать орнаментацію Пересопницкой рукописи на фонѣ этихъ западно-европейскихъ образцовъ, то необходимо должны признать, что она находится въ тѣсной преемственной связи съ западнымъ искусствомъ интересующей насъ эпохи.

Очень характерно то обстоятельство, что мы не встрѣчаемъ въ пересопницкомъ орнаментѣ ни одной черты позднѣйшаго типа растительнаго орнамента въ видѣ натурализованныхъ и свободно лежащихъ вѣтвей и букетовъ, которые такъ типичны для конца XVII вѣка[4]), нѣтъ кропотливой, мелкой отдѣлки деталей, нѣтъ такого *смѣшенія разнообразныхъ стилей въ одной и той же композиціи*.

Что касается положенія Пересопницкаго Евангелія среди другихъ рукописей, написанныхъ на территоріи Южной Россіи и во время, близкое къ серединѣ XVI вѣка, то мы можемъ

[1]) См. *Шубертъ ф.-Зольдернъ*. Стилизація растеній. Москва, 1894 г. стр. 146.

[2]) См. *Müntz*. Histoire de l' Art pendant la Renaissance, т. II, стр. 248—249, 166 и т. д. „Loges de Raphaël", „Quadrupedes et giseaut" peints par *Jean d' Udine*.

[3]) См. объ отраженіи итальянскаго вліянія цѣлый рядъ статей въ Sprawozdania Komisyi do badania Historyi Sztuki: *M. Sokolowskiego* и др.

[4]) См. изданіе С.-Петербургскаго Археологическаго Института (С.-П.-Б. 1903 г.): „Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги *1672 года*". Особенно любопытны для насъ таб. 1 и 2, 32, 44 и др. Начиная съ изображенія Грознаго, мы находимъ здѣсь портретную традицію. Любопытно, что ***орнаментъ на одеждѣ Грознаго*** стоитъ ближе къ эпохѣ ренессанса, чѣмъ въ другихъ портретахъ.

указать, помимо нѣкоторыхъ западно-русскихъ рукописей, использованныхъ уже Стасовымъ (какъ напримѣръ,— *Волковыское Евангеліе*), еще на нѣсколько памятниковъ, сближающихся съ Пересопницкой рукописью. Прежде всего необходимо разсмотрѣть Загоровскій Апостолъ 1554 года (или 1563 г.— по старой датировкѣ). Этотъ Апостолъ также чрезвычайно богатъ въ отношеніи орнаментаціи, въ немъ находятся богатѣйшія заставки изъ матово-блѣднаго золота и множество иниціаловъ плетеночнаго характера [1]). Но особенно интересенъ *первый листъ Дѣяній Апостольскихъ*, въ рукописи — листъ 22-й. Здѣсь, среди акантовой растительности, состоящей изъ завитковъ и въ свое время богато разукрашенной, мы находимъ *амура безъ крыльевъ въ нижнемъ правомъ углу орнаментальной рамки.* (См. рис. 4 на стр. 21). Благодаря непрочности бумаги, а можетъ быть и вслѣдствіе частаго употребленія, золото почти осыпалось, краски потускнѣли и также осыпались. Первоначальныя свѣдѣнія объ этомъ Апостолѣ далъ *Г. А. Бугославскій* въ своемъ докладѣ на *Виленскомъ* Археологическомъ Съѣздѣ въ 1893 году [2]).

При непосредственномъ осмотрѣ оказалось, что приписка о времени написанія, сдѣланная позднѣйшею рукою — скорописью XIX вѣка, находится въ самомъ концѣ Апостола, и она относитъ его къ 1554 году. Возможно, что у владѣльцевъ Апостола были свѣдѣнія объ этомъ на одномъ изъ утерянныхъ теперь листовъ. Такимъ образомъ первоначальную

Рис. 3. Итальянскій орнаментъ. (Изъ рукописи Туринской Библіотеки XVI в.). 1/2 натуральной величины.

[1]) См. листы: 1, 2, 106, 116, 126, 134, 175, 201 об., 210 об., 244, 278, 290, 300, 309, 317, 323, 333 об., 341, 350, 376 — въ Загоровскомъ Апостолѣ.

[2]) Для настоящей работы мы пользуемся подлинникомъ Загоровскаго Апостола, присланнымъ съ разрѣшенія архіепископа Волынскаго Антонія изъ библіотеки Владиміръ-Волынскаго православнаго Св.-Владимірскаго Братства (См. „Краткая опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищѣ православнаго Св.-Владимірскаго Братства“, стр. 15, № 2). За содѣйствіе, совѣты, указанія и помощь выражаю благодарность проф. В. Н. Перетцу, архіеп. Антонію Волынскому, Ор. Ив. Левицкому, И. М. Каманину, г. Андріевскому, а въ особенности Г. А. Бугославскому, который чрезвычайно любезно разрѣшилъ пользоваться своимъ описаніемъ Апостола въ рукописи.

Вотъ краткое описаніе его, взятое изъ печатной статьи *Г. А. Бугославскаго* подъ заглавіемъ: „Волынскія рукописныя Евангелія и Апостолы“: „Апостолъ въ кожаномъ переплетѣ, безъ всякихъ украше-

дату Бугославскаго приходится исправить и считать, что *эта рукопись современна или на два года старше Пересопницкой рукописи.*

Характеръ орнамента Загоровскаго Апостола чрезвычайно близокъ къ изучаемому орнаменту, какъ по типу рисунка, такъ и подборомъ красокъ, композиціей, размѣромъ (длина рамки въ Загоровскомъ орнаментѣ = 305 m/m × × 200 × 50 m/m ширины). *Поразительно сходна плетенка въ заставкѣ надъ текстомъ, одинаковъ былъ золотой фонъ.* Окончательно довершаетъ сходство *амуръ въ углу рамки.*

Даже почеркъ золотой вязи и золотыхъ мелкихъ буквъ въ Апостолѣ нѣсколько сходенъ съ такимъ же почеркомъ Пересопницкой рукописи. Сходство въ почеркахъ самого рукописнаго текста значительно меньше.

Такимъ образомъ, отчасти съ палеографической стороны, а въ особенности со *стороны орнаментики*, въ Загоровскомъ Апостолѣ мы видимъ работу, вышедшую изъ одной школы, изъ одной художественной мастерской, если не изъ рукъ одного мастера. Это легко допустить, такъ какъ близки между собою не только *даты* обоихъ памятниковъ, но и *мѣстности,* въ которыхъ они написаны, и *люди,* которые давали на нихъ средства (Заславскіе, Чарторыйскіе, Загоровскіе, Сангушки и т. д.).

Въ поискахъ сходныхъ мотивовъ орнаментаціи мы воспользовались еще одною мало-извѣстною рукописью, которая хранится въ *ризницѣ Кіево-Печерской Лавры.* Это — Евангеліе, относящееся къ 1538 году[1]).

ній. Писанъ на бумагѣ съ водянымъ знакомъ, изображающимъ кабана. Уставное (?) письмо средней величины, *украшено многочисленными заставками, цвѣтными съ золотомъ, и такими же заглавными буквами. Орнаментъ этого Апостола оригиналенъ и богатъ.....* Надписей, указывающихъ на время написанія, въ немъ нѣтъ. Имѣется лишь въ немъ приписка, что онъ данъ въ Загоровскій монастырь въ 1563 году". (См. Труды IX археологич. съѣзда въ Вильнѣ 1893 г. т. II, стр. 307, и таб. XXIV). Особенно интересна таблица, она сдѣлана отъ руки въ краскахъ, очевидно, еще тогда, когда самый орнаментъ и краски были свѣжѣе. Въ настоящее время рукопись состоитъ изъ 405 листовъ, изъ которыхъ самый интересный для насъ — листъ 22-й, гдѣ сохранился вышеописанный орнаментъ.

[1]) На послѣднемъ листѣ Евангелія находится слѣдующая запись, сдѣланная почеркомъ, близкимъ къ печатнымъ скоринскимъ изданіямъ: „в̂ лѣ҃т з҃. м҃s. кр҃ѹг слн҃цѫ и҃ і. ѧ҃не s҃ і. писана бы҃с сіа книга покеленіе҃ и накладо҃ пана БОГДАНА МАРТИНОВИЧА ХРЕБТОВИЧА и его м҃лости панеи пані ѡвдо҃ти горское кым҃ѣныи его ма҃ти к҃дорѣгжни а писалъ рѫкоѫ многогрѣшныи рабъ кж҃ін федоръ кѫзминъ сн҃ъ з несвижа родо҃ молга.......

По свидѣтельству другой записи по листамъ, это Евангеліе 14 сентября 1556 года подарилъ въ Печерскій монастырь „*Іоанникей Горностай* маршалокъ гс҃дрьскій, староста речицкій, державца любошанскій".

Вокругъ текста начальной страницы Евангелія отъ Матѳея въ этомъ Евангеліи мы встрѣчаемъ орнаментацію, сходную съ Пересопницкимъ Евангеліемъ по положенію и ширинѣ рамки, хотя она значительно бѣднѣе золотомъ и красками, сравнительно съ описанными рукописями. Орнаментація этого Евангелія носитъ, впрочемъ, скорѣе готическій характеръ [1]). Въ нижней своей части она очень близко подходитъ къ печатнымъ виньеткамъ венеціанскаго и скорининскаго типа, о которыхъ мы говорили выше [2]).

Итакъ, уже изъ одного этого бѣглаго и краткаго обзора орнаментовъ различныхъ рукописей можно видѣть, что съ художественной стороны Пересопницкое Евангеліе вовсе не одинокое явленіе для XVI вѣка. Мы могли его сблизить съ цѣлымъ рядомъ польскихъ и западныхъ современныхъ орнаментовъ, нашли сходные орнаменты и въ области русскаго искусства. Очень важнымъ наблюденіемъ мы считаемъ точное указаніе *даты орнамента* (1556 [3]).

Рис. 1. Южно-русскій орнаментъ (Листъ 22 Загоровскаго Апостола 1554 г.). Въ натур. величину.

[1]) См. *Лоренцъ*. Орнаментъ всѣхъ стилей и народовъ.

[2]) См. *Сборникъ снимковъ* съ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій *С. Пташицкаго*. Изданіе *Голике 1895 года*, часть I. XV и XVI вѣкъ. Таб. VI: Апостолъ. Вильно, 1525 г.

[3]) Мы по необходимости въ своей работѣ должны были касаться лишь *самыхъ типичныхъ* орнаментовъ; кромѣ того, мы почти совершенно не коснулись *миніатюръ*, *инициаловъ* и заставокъ *плетеночнаго* характера. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ видахъ орнаментики читатели могутъ найти въ статьѣ *проф. Павлуцкаго*, которая будетъ помѣщена въ этомъ же журналѣ („Искусство“ 1911 года № 2).

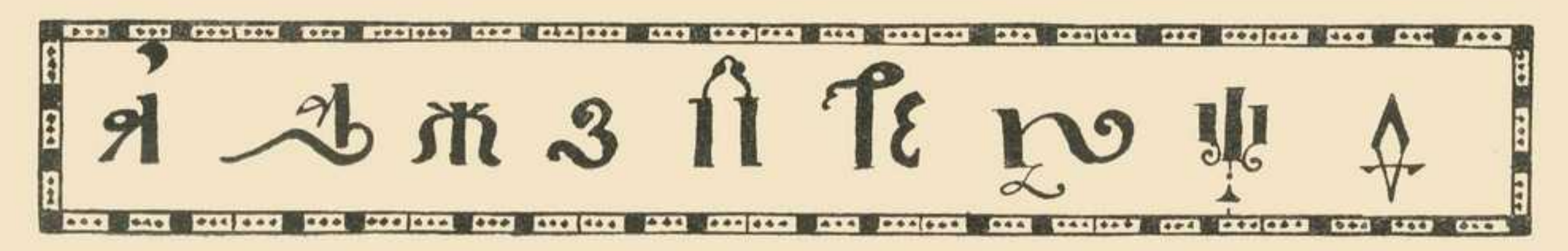

Рис. 5. Типичныя орнаментальныя буквы основного почерка Пересопницкой рукописи.

III.

ГРАФИКА.

Намъ остается лишь сказать нѣсколько словъ *о графикѣ* рукописи [1]: Отмѣтимъ, что вопросъ о графикѣ въ этомъ случаѣ совершенно неотдѣлимъ отъ историческаго освѣщенія судьбы орнамента Пересопницкой рукописи. Достаточно взглянуть на снимки начальныхъ страницъ евангельскаго текста (См. таблицы V и IX снимковъ, приложенныхъ къ нашей статьѣ). На этихъ страницахъ орнаментъ окружаетъ почеркъ, и далѣе на протяженіи сотенъ страницъ почеркъ остается *однороднымъ*. Такимъ образомъ мы убѣждаемся въ *одновременности какъ почерка, такъ и орнамента, къ какому бы времени мы ни относили тотъ и другой.*

Однако почеркъ далеко не такъ легко объяснить, какъ орнаментъ, онъ до настоящаго времени остается загадочнымъ во многихъ отношеніяхъ.

По почерку Пересопницкая рукопись, подобно орнаменту (см. рис. 5), не имѣетъ равныхъ себѣ среди извѣстныхъ намъ рукописей и палеографическихъ снимковъ; по твердости, красотѣ, изяществу и законченности рисунка почеркъ ея не уступаетъ орнаменту [2]).

---

[1]) Болѣе обстоятельную палеографическую критику почерка читатели могутъ найти въ другой нашей статьѣ, которая должна появиться въ одной изъ книжекъ „Журнала Министерства Народного Просвѣщенія" за 1911 годъ. Статья эта имѣетъ слѣдующее заглавіе: *А. С. Грузинскій* „Критическія и палеографическія замѣтки о Пересопницкой рукописи".

[2]) Наша мысль объ ***орнаментальномъ*** характерѣ почерка Пересопницкой рукописи находитъ себѣ подтвержденіе въ современной тенденціи печатныхъ шрифтовъ возрождать старинные рукописные рисунки буквъ. См. статью „Das Schreiben der Schriften" (Buch-und Stein druken. 1909. Oktob.). „Кто знаетъ развитіе шрифта, тотъ долженъ будетъ разсматривать первобытныя формы А, С, О, N съ ихъ прямыми линіями, какъ образцы ***примитивной орнаментики***"…. „Шрифтъ, такимъ образомъ, имѣетъ орнаментальный характеръ, который

Обращаясь теперь къ самому почерку, замѣтимъ, что богатство формъ для различныхъ буквъ: Ѡ, ѧ, Ж, З, Ѥ можно объяснить отчасти перерывомъ во время писанія Евангелія (вспомнимъ пятилѣтній промежутокъ между началомъ и концомъ этого дѣла). Если мы разсмотримъ таблицы I, III, VI и X (снимки съ крупнаго почерка), расположивъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, то увидимъ самымъ нагляднымъ образомъ, что рукопись въ отношеніи почерка раздѣляется на двѣ части, причемъ смѣна почерка происходитъ на оборотѣ 155 листа. Особенно замѣтно это при сравнительномъ изученіи формъ слѣдующихъ буквъ: Ж, З, О, Ѥ, Є, Р, Ѡ.

Въ первой части рукописи Ж имѣетъ въ своей основѣ форму, близкую къ ѧ, верхніе же придатки, имѣющіе форму *клина*, присоединяются къ основной такимъ образомъ, что правый придатокъ остается совершенно свободнымъ и обращенъ остріемъ внизъ, а другой—лѣвый—нѣсколько изогнутъ, прикасается къ нижней части буквы и остріемъ обращенъ вверхъ.

Во второй части Пересопницкой рукописи (послѣ 155 л.) Ж—имѣетъ правильную симметричную форму двусторонняго К (въ этомъ мы видимъ вліяніе печатныхъ венеціанскихъ (1536—1538 г.г.) и скорининскихъ текстовъ—(1519—1525 г.г.).

Рисунокъ буквы З—во второй части рукописи (послѣ 155 листа) отступаетъ отъ древней формы, приведенной въ „Палеографіи" Соболевскаго, головка буквы не заостренная, а нѣсколько сплюснута и закруглена; вообще, З во второй части имѣетъ скорописный характеръ.

Круглое О во второй части встрѣчается рѣже, чѣмъ въ первой, и замѣняется Ѻ, впрочемъ и въ начертаніи этой буквы чувствуется разница. Вначалѣ она пишется вся толстымъ жирнымъ штрихомъ, такъ что едва остается замѣтнымъ маленькій бѣлый глазокъ въ срединѣ, съ листа же 155—въ этой буквѣ измѣняется самая система нажима и положенія пера: верхняя и нижняя половины этой буквы соприкасаются тонкими волосными штрихами посрединѣ высоты буквы. Такой же заостренный характеръ носитъ и буква Ѡ, тогда какъ въ первой части рукописи мы наблюдаемъ Ѡ закругленное.

ѧ—имѣетъ нѣсколько вытянутый, сгорбленный характеръ, нѣсколько возвышаясь надъ уровнемъ строки во второй части.

развился въ послѣдующіе вѣка и достигъ большого расцвѣта въ рукописяхъ среднихъ вѣковъ"…. „*Каждая буква въ своемъ цѣломъ, съ вя отвѣсными, горизонтальными, косыми, угловатыми или круглыми формами, представляетъ собою орнаментъ*". (Привожу цитаты по статьѣ В. К. въ кіевскомъ журналѣ: „Искусство и Печатное дѣло" 1910 г. октябрь (стр. 455 и 459).

Въ первой части Є и С почти всегда умѣщаются въ строкѣ и имѣютъ закругленную форму, сжатую въ горизонтальномъ направленіи: эти же буквы во второй части рукописи имѣютъ свободно висящій, опущенный внизъ нижній конецъ: Є С.[1]).

Буква Р, умѣщающаяся цѣликомъ въ строкѣ, легко объясняется изъ скорининскихъ текстовъ: И матери... Пречтое... Марии...[2]). Точно также оттуда объясняются буквы Л, К, Я и цѣлый рядъ другихъ буквъ, напримѣръ, иниціальныхъ[3]). Буква Р строчное въ перв. полов. XVII вѣка была повсемѣстнымъ явленіемъ. (См. Куриловское Евангеліе 1646 года).

Подражаніемъ скорининскимъ печатнымъ текстамъ, мы склонны считать обиліе *большихъ прописныхъ буквъ* и даже нѣкоторыя формы ихъ въ заключительномъ послѣсловіи Пересопницкаго Евангелія 1561 года. (См. таб. XI). Владиміровъ, въ свою очередь, считаетъ это подражаніемъ чешскимъ и нѣмецкимъ изданіямъ. Однако, въ основѣ всего почерка, какъ крупнаго, такъ и мелкаго, лежитъ своеобразный полууставъ *молдавскаго типа* XVI вѣка съ южно-славянскою ороографіей.

Въ этомъ отношеніи особенно интересны для насъ нѣсколько рукописей, пересмотрѣнныхъ нами въ самое послѣднее время. Они какъ разъ отражаютъ въ себѣ тотъ типъ почерка, который ускользнулъ до сихъ поръ отъ вниманія палеографіи и лучшимъ представителемъ котораго была Пересопницкая рукопись[4]).

Въ началѣ главы объ орнаментикѣ было сказано, что можно подозрѣвать, кто былъ *писецъ* этой рукописи. До сихъ поръ наши свѣдѣнія объ

---

[1]) По типографскимъ условіямъ невозможно передать точный рисунокъ разсматриваемыхъ буквъ, вслѣдствіе отсутствія подходящаго церковно-славянскаго шрифта. Поэтому лучше всего обратиться при чтеніи этой главы непосредственно къ палеографическимъ снимкамъ.

[2]) См. Владиміровъ: Докторъ Францискъ Скорина. Снимокъ съ послѣсловія къ „Премудрости" (стр. 78—79).

[3]) См. ibidem. стр. 72—73; 76—77 (снимки). На одномъ изъ этихъ снимковъ находится ***заставка съ амурами***, поддерживающими гербъ Скорины (1519 года).

[4]) См. *Я. Трусевичъ*. Сводъ 260 азбукъ и образцовъ кириллицы 1905 г. Выпуски 1-й и 2-й. Кромѣ того, слѣдующіе памятники: 1) *Загоровское Евангеліе* 1564 года (Владиміръ-Волынское Древлехранилище православнаго Св.-Владимірскаго Братства, № 1).

2—3) Два пергаминныхъ *Молдавскихъ Евангелія* 1546 и 1576 года (Кіевскій Церковно-Археологическій Музей № 210 и 211) изъ *Нѣжинскаго Греческаго Монастыря* (См. Указатель Церк. Археол. Музея. Н. И. Петрова. 1897 г. стр. 207).

4) Лаврское Евангеліе 1538 года (хранится въ ризницѣ Кіево-Печерской Лавры).

этомъ лицѣ—„Михаилѣ Васильевичѣ зъ Санока"—заимствовались только изъ записей на Пересопницкомъ Евангеліи. Въ одной изъ своихъ работъ мы высказали предположеніе, что слово „Василіевичъ"—можно понимать *въ качествѣ фамиліи писца*, такъ какъ большое количество фамилій въ Южной Россіи имѣютъ именно такое происхожденіе. И въ самомъ дѣлѣ, среди актовъ, предшествующихъ по времени появленію Пересопницкаго Евангелія, намъ удалось найти подъ 1531 годомъ указаніе на *„Михаила Василевича писаря господарскаго, державцу Медницкаго"*, который выступаетъ въ этомъ году въ качествѣ „еднача полюбовнаго"[1]).

Послѣ этихъ краткихъ замѣтокъ о графикѣ Евангелія подведемъ *итоги*.

Прежде всего на нашъ взглядъ непоколебимо устанавливается дата самой рукописи (1556—1561), и нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ ея точности. (См. дату на орнаментѣ вокругъ миніатюры св. Матѳея). Этому соотвѣтствуетъ и анализъ той части орнамента Пересопницкой рукописи, которая до сихъ поръ считалась единственной въ своемъ родѣ. Послѣ нашихъ сближеній съ Загоровскимъ Апостоломъ 1554 года объ этомъ болѣе говорить не приходится.

Далѣе,—мы устанавливаемъ въ южно-русскомъ искусствѣ наличность *непосредственнаго итальянскаго вліянія* въ орнаментѣ послѣ-рафаэлевскаго типа, предпочтительно передъ чешскими и нѣмецкими орнаментами. Королева-итальянка Бона и ея приближенные очень усердно дѣйствовали въ этомъ направленіи въ Польшѣ и на Волыни[2]).

Въ третьихъ—при изученіи графики мы попытались подыскать рядъ сходныхъ явленій въ *предшествующей* старо-печатной традиціи. Однако, этотъ вопросъ требуетъ болѣе детальнаго обслѣдованія, чѣмъ позволяютъ намъ рамки журнальной статьи.

Въ четвертыхъ—отмѣчаемъ смѣну почерка съ оборота 155 листа. Впрочемъ, мы не рѣшимся утверждать, что здѣсь писала другая рука.

[1]) См. Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ и Вил. Пуб. Библіотекѣ. Выпускъ I-й Вильна 1884 (стр. 19, документъ—№ 33). Впрочемъ, мы не будемъ особенно настаивать на этомъ предположеніи, такъ какъ въ то же время въ Краковѣ былъ извѣстенъ и другой „писарь Михайло"—*панъ Свинускій*. (См. въ томъ же „Сборникѣ").

[2]) См. Modlitewnik Bonae Reginae съ миніатюрами, который хранится *въ Оксфордѣ*.

И въ заключеніе должны отмѣтить удивительный фактъ — *соединенія, но не смѣшенія разнообразныхъ стилей* въ южно-русской орнаментикѣ.

Если гетманъ Мазепа хотѣлъ подарить въ Вознесенскій Переяславскій соборъ драгоцѣнную рукопись, то ему незачѣмъ было поручать кому бы то ни было переписку и перерисовку ея. Загоровскій Апостолъ и пергаминныя Евангелія молдавскаго типа доказываютъ, что въ то время (въ половинѣ XVI вѣка) въ Южной Россіи были рукописи, снабженныя такими же украшеніями и написанныя съ такою же любовью, какъ и Пересопницкое Евангеліе 1556—1561 года.

Ал. Серг. Грузинскій.

25 декабря 1910 года.
Г. Кіевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДРУГІЕ ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1) „Elegia Alexii" —
стих. Т. Прокоповича. (Записки Н. Т. в Київі" 1909 г. кн. IV).

2) „Epitaphius Metropolitae Barlaamo Jasinski" —
стихотв. Ѳ. Прокоповича (Русскій Филол. Вѣстникъ 1910 г. кн. 3—4).

3) „Изъ исторіи перевода Евангелія въ Южной Россіи въ XVI вѣкѣ: — *Лѣтковское Евангеліе*". (Печатается въ „Чтеніяхъ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца" за 1910 г. кн. 3).

4) „Критическія и палеографическія замѣтки о Пересопницкой рукописи". (Печатается въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г.).

П 11/08

B 15914